

Автор Николай ПЕРЕСТОРОНИН

х х х

И я люблю Вас!
О, как странно
Шагнуть и знать, что нет возврата.
Что с нами будет, донна Анна,
Когда за прошлое расплата
Придёт походкой Командора?
Казалось, разводил нас кто-то,
Вас - под венец, меня - в разгулы,
Смесь Дон Жуана с Дон Кихотом
Надеждой тешился безумной,
Что Вас одну не обманул бы.
Но пусть пройдёт в молчании встреча,
Что проку в голосе печальном...
И бессловесным приговором
Лишь обручальное колечко
Блеснёт на пальце безымянном.

х х х

И где-то за полночь разбудит,
Попросит посмотреть в глаза.
Меня, конечно, не убудет,
Да разве поутру нельзя?
Она молчаньем отвечает,
И я угадываю в нём:
Читает женщина, читает
Свою судьбу в лице моём.
И взгляд по заспанному лику
Скользит, скользит, как на беду...
Глаза, как главную улику
Я тщетно прячу в темноту.

х х х

Что с Вами, женщина моя?
Молчанья Вашего граница
Вторженью слов не покорится,
Но мучаюсь догадкой я:
Что с Вами, женщина моя?
Когда - вчера или сегодня,

Кто Вас обидел: сплетник, сводня,
Чужая молодость, но чья?
Что с Вами, женщина моя?
Что с Вами, женщина моя...
Молчанье Ваше суверенно,
Но затевается измена,
И, может быть, предатель я...
Что с Вами, женщина моя?

х х х

Рождённые под знаком Козерога,
Мне долго было с вами по пути.
Одна меня проводит до порога,
Другая улыбнётся: "Проходи..."
Как будто раздвоился мой хранитель
Священного домашнего огня...
Две женщины, о чём вы говорите,
Зачем вы понимаете меня?
Чтоб жизнь ко мне была не так жестока,
А, может быть, совсем наоборот,
Одна в ногах валяется у Бога,
Другая чёрту душу продаёт.
Одна всё сокрушается о теле,
Другая же печётся о душе.
Вы всё со мною разделить хотели
И делите, мне кажется, уже.
Рождённая под знаком Козерога,
Прости мне эту двойственность, прости...
И, провожая утром до порога,
На склоне дня промолви: "Проходи..."

х х х

Приходят женщины и судят,
Жестокой правды не тая,
Как будто совесть твою будят,
И говорят,
И говорят.
И, низко голову склоняя,
Ты не заметишь, вот где стыд:
Была там женщина другая -
Та ничего не говорит.
Не будет от неё пощады,
И через месяц, через год,

Забудешь громкие тирады -
Молчание память обожжёт.

х х х

Вы могли Ариадной проснуться,
Но я, кажется, так заплутал,
Что и рад бы по нитке вернуться,
Да, представьте себе, оборвал.
Утешая меня, дорогая,
Как поправку творя на молву,
Вы сказали: «Возникнет другая»,
Но ведь я и её оборву.
Снова будет с горчинкой свобода,
Я хочу её и не хочу,
Потому, что Вы где-то у входа,
А я выход зачем-то ищу.
Нам ещё предстоит отдалиться,
И простите меня, дурака,
Потому что нельзя возвратиться:
Нить оборвана.
Жизнь коротка.

Этюд

Ты спрячешься в пивной от непогоды,
Хотя дождя на улице чуть-чуть,
И долгожданный миг мужской свободы
Восславишь в разговоре с кем-нибудь.
Поддакнут торопливо соглашатели,
Как будто бы порядок здесь такой.
И словно стародавние приятели,
Одна душа откликнется другой.
И женщина возникнет на пороге,
Взирая строго, словно божество,
Промолвит слово грусти и тревоги:
«Эй, кто-нибудь, не видел моего?»

х х х

О, только б ты загадочной была
И каждый день меня благословляла
Сгорать в непознаваемом дотла,
Но никогда сгореть не позволяла.

Пусть мудрые дадут тебе совет,
Как быть, чтобы молва нас не корила:
«Смотрите, между ними тайны нет,
Которая бы их соединила!»
Пусть будет повторяться в каждом дне,
Придумай что-нибудь, я заклинаю:
Тыходишь. Улыбаешься. Не мне.
И ничего я о тебе не знаю.

Воспоминание

Мелькнет любовь, как бабье лето,
И не ухватишь на лету.
Цыганка в юбке разноцветной
Гадает в аэропорту.
Она заглядывает в очи
И, хмуря смуглое чело,
Мне только доброе пророчит,
Как заговаривает зло.
Добры все женщины, я знаю,
Не покривят душой — смолчат.
А я прислушаюсь к молчанью
И угадаю невпопад:
Не повторится жизнь сначала,
Всё в свой черёд произойдёт.
И даже то, о чем молчала
Цыганка,
Сбудется вот-вот...

х х х

Отступают тревоги,
Слава Богу, пока
Есть на свете дороги,
Есть на свете места,
Где молва не злословит,
Где листва шелестит,
Где природа собою
Прикрывает как щит.
Где не сподличать мелко,
Не солгать про запас:
Любопытная белка
Смотрит сверху на нас.

Элегия

Остаются ни с чем птицеловы,
Только ветер беспечно крылат.
Не одна, но с избранником новым
Ты войдёшь в Александровский сад.
Бьются листья встревоженной стаей,
Отлетают и гаснут вдали,
Будто северный ветер листает
Золотые страницы любви.
Ничего у нас не было вроде,
А что было - сгорело дотла,
Что же гредишь ты так о свободе,
Что была у тебя, да сплыла.
Эта липа давно облетела,
Этот ясень до нитки раздет,
А листва, что ещё уцелела,
На ветру, как звенящая медь.

Х х х

Снова снегом тебя встречаю,
Если холодно чуть - прости.
Не свои следы заметаю,
Устилаю твои пути.
В кутерьме суматошного века,
В оглушительной тишине,
Нынче выпало столько снега,
Сколько нежности есть во мне.
Чтобы снова, как в самом начале,
Проступали ясней и ясней
Снегопада благое молчанье
И глаголы планиды моей.
Чтобы снегу грезилось тоже:
Как свиданье не торопи,
Наступить на него не сможешь,
Не сумеешь переступить.
Но ведь надо же быть смелее,
И на этом нежнейшем пути,
Даже ночью идти светлее,
Не раздумывая – приходи.

х х х

Такого не было со мною
На протяжении многих зим.
Я жил неверующим Фомою,
Хотя и не был нелюдим.
Хотелось, чтоб меня любили,
Но торопился сам любить,
Надеясь, что такой-то силе
И лёд по силам растопить.
Но вот нашлась на силу сила,
Обворожительно нежна,
Как будто в мире наступила
Некалендарная весна.
Она мне волосы ерошит
Ладоншкой маленькой своей,
«Хороший, - говорит, - хороший...».
Я почему-то верю ей.

х х х

Мы будем жить с тобой на берегу
В душевном равновесии с природой.
И я тебе молчаньем не солгу,
Не то что витиеватым сложным слогом.
Друзьями станут солнце и река,
Прибрежный лес и птиц весёлый гомон.
Серебряную воду с родника
Я буду приносить в своих ладонях.

х х х

Набери нам черники,
Наведи с молоком.
Сокровенные миги
Проведём за столом.
Твои сёстры и братья
Собирались за ним.
Прерывая объятья,
Мы рядком посидим.
Поглядим друг на друга,
Улыбаясь светло.
Ничего, что упруго
Ветер бьётся в стекло.
Утомится и стихнет,
Да замрёт у окна,
Мягкой веткой приникнет
Ко двери тишина.

Что не скажем словами,
Мы потом домолчим.
Посумерничай с нами,
Хлеб из русской печи.
Векового раздолья
Заповедна тропа,
Деревенская доля,
Городская судьба.
Набрала ты черники,
Стол накрыла ладом.
Потемневшие лики
Освещают весь дом.

х х х

Как у трехсотлетнего платана
На душе спокойно и светло,
В жаркий полдень, как это ни странно,
Ялту вятским снегом занесло.
Но природа не подвластна страху,
Да и ты доверчиво смела.
Даришь мне марийскую рубаху,
Что белее белого бела.
Ты её ночами вышивала,
Пальчики до крови исколов,
Словно песню набело писала,
Нам с тобой понятную без слов.
И вовек не ведая укора,
Держится без всяких узелков,
Силой двустороннего узора
Наша не прошедшая любовь.
По канве заоблачных преданий,
По завету вешней красоты,
Снежная фантазия реальней
Чудом воплотившейся мечты.
Жизнь прекрасна в чувственном размахе,
Лучшее становится судьбой.
И стою я в вышитой рубахе
Ветренный, красивый, молодой.

х х х

Этот мир
Голубой и зелёный,
Поднебесный,
Предвечный,
Земной,

Отзовётся
На взгляд изумлённый
Светлой женщины
Рядом со мной.
И ответного чувства
Блаженство
Вдруг покажется
Светом во мгле.
Оттеня её
Совершенство,
Я побуду
Ещё на земле.

х х х

Как лекарство от боли сердечной
Растворится в тягучей крови,
Всё пройдёт и проходит, конечно,
Невозможно уже без любви.
Не насущные думы о хлебе
Будут светом, что светит во тьме.
Тает облако белое в небе,
Остаётся любовь на земле.
Как мы жили, давно позабыли,
Но дано нам почувствовать вновь:
Мы не зря в этот мир приходили.
Даже если не очень любили,
Всё равно остаётся любовь,
Всё равно остаётся любовь...

х х х

Улыбнись, душа моя живая,
Даже если тянет холодком.
Плечи твои смело укрываю
Иорданским шёлковым платком.
Я ещё способен быть нежнее,
Светится в ночи лицо твоё.
Эта нежность мне теперь нужнее,
Чем тебе, заждавшейся её.

х х х

Пророчества выдумывал упрямо,
Ну, вот бы и исполнилось одно:
Три женщины - жена, сестра и мама,
Я знаю, не расстанутся со мной.
Они на полпути меня не бросят,

Хотя, наверно, тоже сознают:
Три женщины - зима, весна и осень
Меня по жизни бережно несут.
На крайние легко решиться меры,
Но говорили ласково: «Живи...»
Три женщины, три верности, три веры,
Три нежности, надежды и любви.